

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ КАК ДИДАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХРЕСТОМАТИИ (первая половина XIX в.)*

АННА СЕНЬКИНА

Одним из отличительных свойств культуры новейшего времени многие исследователи называют ее текстоцентричность. Важным идентифицирующим признаком принадлежности к той или иной культурной традиции является знание определенных текстов (или, как минимум, факта существования этих текстов), составляющих своего рода текстовый фонд общего знания. В связи с распространением школьного образования одним из главных источников и трансляторов этого общего фонда прецедентных текстов становятся учебные пособия, с которыми так или иначе сталкиваются все дети, проходящие обучение в школе. Массовая известность тех или иных произведений художественной литературы (а также конкретных текстовых фрагментов), сам их статус «известных», «основных», «лучших», «классических» во многом формировался благодаря хрестоматиям — особому виду школьного учебного пособия, получившему распространение при обучении чтению и словесности в XIX в. и унаследованному школьной практикой в XX в. В отношении к текстам определение «хрестоматийный» реализует не только второе, производное значение, имеющее пучок семантических оттенков, — ‘общеизвестный’, ‘простой, ясный’, ‘избитый, банальный’ и т. п., в котором это прилагательное наиболее употребительно, но и собственно исходное — ‘входящий в хрестоматию’. Логика отношения между этими двумя значениями прозрачна и заключает в себе представление о том, что наполнение хрестоматии характеризуется

---

* Работа поддержана грантом РГНФ 13-06-00149а.

ограниченностью и стабильностью. Хотя сказанное кажется очевидным, парадоксальным образом в исследовательское поле до сих пор практически не попадали следующие вопросы: когда появились литературные хрестоматии, что они из себя представляли, как менялись их структура, наполнение и назначение или, обобщая, как выглядит *история хрестоматий*? каким образом из множества хрестоматийных произведений в первом смысле (попадавших в ту или иную хрестоматию) формировался набор хрестоматийных произведений во втором смысле (заяввших устойчивые позиции в хрестоматиях и перешедшими в банальное знание)? Иными словами — какова *история хрестоматизации* художественных текстов?

В этой главе мы попытаемся лишь отчасти восполнить эту лауну и показать, что представляла собой русская литературная хрестоматия по своей структуре, составу и педагогическим установкам в самый ранний период своего существования до выхода в 1852 г. первой программы-конспекта по отечественной словесности¹, а также ответить на ряд вопросов: по каким параметрам формировался список авторов и конкретных произведений? Насколько он действительно был ограничен и устойчив? Каким образом на этом этапе происходил (и происходил ли) процесс хрестоматизации литературных текстов и складывания школьного литературного канона?

Изначально хрестоматиями (или хрестоматиями) в отечественной педагогической практике называли сборники текстов (образцов), используемые при обучении классическим языкам², позднее появились хрестоматии и для изучения современных иностранных языков³. Впервые понятие «хрестоматия» встречается в «Высочайше утвержденном уставе учебных заведений, подведомых университетам» от 5 ноября 1804 г., в котором рекомендовалось при обучении языкам в гимназиях использовать «Хрестоматия»

¹ В содержании «Конспекта русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях» (1852), составленного Ф. И. Буслаевым и А. Д. Галаховым, указывались не только методы обучения словесности, но и указывались фамилии авторов и названия произведений, рекомендованных к изучению на уроках в школе [Буслаев, Галахов].

² См., например: Хрестоматия, или Избранные места из латинских классических писателей, изданная по руководству Гедике Императорским Харьковским университетом в пользу гимназий его округа (1806); Греческая хрестоматия с латинским переводом, с русскими отчасти с латинскими примечаниями и словарем Х. Ф. Маттеи (1806); Хрестоматия латинская для употребления в семинариях Андрея Прокоповича (1811) и др.

³ Французская хрестоматия, или Собрание разных пиес на французском языке, в употребление введенная в учебные заведения и частные пансионы Московского учебного округа В. И. Запольского (1826); Французская хрестоматия для начинающих (1827); Хрестоматия для перевода с немецкого языка на русский, составленная для употребления в низших классах высших учебных заведений и в уездных училищах Остзейских провинций учителем русского языка В. Благовещенским (1841) и др.

тии», тут же поясняется его значение: «Избранные места из лучших Писателей» [СП по МНП 1864, Т. I: 336]. Тем самым официально утверждался не только новый тип учебного пособия, но и один из методических приемов: обучение на примерах из литературы.

Русская словесность как отдельный предмет, согласно «Уставу 1804 г.», не входила в перечень обязательных курсов средней школы. Среди исследователей истории преподавания литературы общепризнанным считается мнение о том, что «в учебных планах гимназий (1819) из словесных наук присутствует лишь риторика. Только в учебном плане Петербургской гимназии (1811), разработанном С. С. Уваровым, впервые появляется русская словесность как отдельный учебный предмет» [Богданова: Гл. II; Беньковская: 266; Шевцова: 135]. Однако курс «российская словесность» встречается уже среди постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения в уставных документах ряда гимназий, учрежденных в 1810-х гг. В частности, изучение российской словесности предполагалось в первом классе по 3 часа в неделю в коммерческих гимназиях Одессы⁴, Таганрога⁵ и некоторых других городов.

Преподавание российской словесности в средней школе начинается стихийно: в течение первых десятилетий XIX в. знакомство с произведениями отечественных писателей происходило при изучении русского языка, а также в старших классах в курсе теории словесности. Таким образом, когда появилась потребность во введении отдельного предмета «российская словесность», его преподавание было построено в соответствии с раздѣлами и понятиями классической риторики и поэтики, выработанными в предшествующее столетие. По замечанию академика В. Н. Перетца: «Все опыты построить науку о словесном творчестве упирались в твердую веру в необходимость и неизбежность построения поэтики на основе идей и образцов, данных античностью и принятых теоретиками французского классицизма» [Перетц: 200].

Благодаря ориентации на такую модель существующие в начале XIX в. учебники российской словесности⁶ мало чем отличались от риторик

⁴ Об учреждении коммерческой гимназии в Одессе (21.266) [СПР по МНП 1864, Т. I: 332].

⁵ Об учреждении коммерческой гимназии в городе Таганроге (22.262) [СПР по МНП 1864, Т. I: 397].

⁶ См., например, учебники: Я. В. Толмачева «Русская поэзия в пользу юношества» (1805), «Правила словесности» (1815–1822), А. С. Никольского «Основания российской словесности» (1807), И. М. Борна «Краткое руководство к российской словесности» (1808), Н. И. Язвицкого «Рассуждение о словесности вообще» (1810), А. Ф. Мерзлякова «Краткая риторика, или Правила относящиеся ко всем родам сочинений прозаически. В пользу благодородных

XVIII столетия, которые содержали сведения в основном теоретического характера. Небольшое количество примеров отечественных произведений в существующих учебниках ограничивало возможности изучения собственно русской литературы как предмета. Однако в практике преподавания словесности все больше внимания уделялось анализу литературного произведения, его выразительному чтению и критическому разбору. В качестве дополнительного вспомогательного учебного пособия, цель которого обеспечить учащихся примерами для практического изучения словесности, и появились литературные хрестоматии. При выборе тех или иных текстов составитель должен был ориентироваться на все те же учебники по (теории) словесности, что, в свою очередь, определило особенность структуры хрестоматий первой половины XIX в. Как правило, их содержание распадалось на два больших раздела — «проза» и «поэзия»; первый из них делился на подотделы: описания, повествования (исторические, философские, нравоучительные и т. д.), письма, разговоры и т. д., во втором отдельно рассматривалась лирическая, эпическая и дидактическая поэзия. Выделение тех или иных разделов не было строго обязательным и варьировалось в разных хрестоматиях, поскольку сама жанровая система литературы в первой половине XIX в. переживала активную перестройку. В любом случае образцы сочинений, или, как их называли сами составители, «статьи», распределялись по жанрово-родовым группам.

Первое учебное пособие по словесности для гимназий, составленное из отрывков исключительно российских авторов и еще не называвшееся хрестоматией, было издано в 1812 г. старшим учителем русского языка в главном немецком училище Св. Петра Н. И. Гречем под названием «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании».

Греч отобрал для своего учебного пособия 75 произведений 34-х авторов, причем большая часть этих произведений по понятным причинам представлена небольшими фрагментами. Он педантично указывает источники всех включенных текстов, среди которых есть и учебник А. Ф. Мерзлякова «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона» (1809), и антология «Пантеон иностранной словесности» (1798), и журнал «Вестник Европы», и газеты «Московские ведомости», и кни-

---

воспитанников Университетского пансиона» (1809–1828), «Краткое начертание теории изящной словесности» (1822) и др.

га И. Г. Кампе «Собрание детских повестей» (1806–1807) в переводе А. С. Шишкова. Таким образом, составитель использовал как тексты, уже включавшиеся в учебные издания и антологии, так и недавно опубликованные в периодике художественные произведения российских авторов.

В предисловии составитель указал, что сама идея издания такого сборника принадлежит не ему, а директору училища И. И. Вейссе, который, как пишет Греч, «поручив мне издать оную, начертал притом следующие правила»:

1. Избрать места из лучших Российских сочинений и переводов, для чтения, перевода и разбора их в классах, к трудам знаменитейших российских авторов присовокупить сочинения и переводы писателей второй степени, дабы учащиеся, сравнивая их с первыми, научались отличать хорошее и изрядное от лучшего и прекрасного, и тем образовывали свой вкус в Словесности. Для облегчения в преподавании истории Русского языка и Литературы, поместить некоторые статьи из древних и старинных Русских книг из сочинений писателей, славившихся в свое время.
2. Наблюдать, чтоб каждая статья, сверх красот в отношении к языку и красноречию, заключалась в себе какие-нибудь полезные истины, или имела нравоучительную цель, и чтобы в сей книге не было ничего противного благопристойности, двусмысленности и могущего возбудить в юношах вредное любопытство [Греч 1812: I–II].

Второй тезис соответствует незыблемой в то время педагогической установке на сочетание во всяком учебном тексте обучающего, просветительского и воспитательного потенциала и в особых комментариях не нуждается. Для нас куда интереснее методический проект, согласно которому ученики, сравнивая одни произведения с другими, поймут отличие «хороших и изрядных» от «лучших и прекрасных». Можно предположить, что он имел, скорее всего, производный характер по отношению к уже составленному корпусу (в самой книге, включавшей большое количество сочинений современных авторов, естественно, не было расставлено никаких индексов литературного качества произведений). Объясняя таким образом свой выбор, Греч, очевидно, пытался отвести от себя предсказуемый упрек в неравноценности художественного уровня включенных в хрестоматию текстов, представление о котором не в последней степени определялось положением их авторов на тогдашнем, еще не устоявшемся литературном олимпе.

Впрочем, подобный упрек незамедлительно прозвучал. В рецензии, вышедшей в том же 1812 г., П. А. Никольский, выступая против такого смешения текстов, недоумевал, зачем между «прекрасными сочинениями» «знаменитейших авторов» размещать «писателей второй степени» [Никольский: 64]. Так, по его мнению, не являются образцами красноречия

и «не могут стоять в ряду с лучшими», например, «весьма посредственные» повесть «Калисфен» и очерк «Размышления о суетной жизни» Д. И. Фонвизина, «Великодушие и благодать» А. С. Шишкова, поскольку содержит «много ошибок против языка», «Кий и Дулеб» В. Т. Нарезного — «напрасно помещен сей отрывок, писанный самым надутым слогом», и др. Рецензент не только указал произведения, по его мнению, незаслуженно включенные в список «лучших», но и привел примеры отсутствующих, но достойных быть среди образцов русской словесности. В частности, он сожалеет, что Греч выбрал «Бедуина» А. П. Бенитцкого, а «вместо этой, не поместил другой прекрасной повести Бенитцкого “Великодушный”⁷, которая напечатана в Талии». Вместо биографического очерка «Жизнь Ломоносова» Н. И. Новикова «лучше бы взять жизнь Богдановича, сочиненное Карамзиным» [Никольский: 64–69]. Никольский считал лишним помещать в книгу и «старинных забытых писателей», которые «не могут служить образцами для молодых людей», поэтому предлагал исключить из содержания хрестоматии сочинения В. К. Тредиаковского, С. П. Крашенинникова и А. П. Сумарокова.

Разбирая и критикуя выбор Греча, Никольский, по сути, сформулировал собственные представления об «образцовых писателях». Он поставил знак равенства между «лучшими» и «образцовыми», к которым, по его мнению, можно отнести лишь произведения современных писателей, чей язык может служить «образцом» для сочинений. Изучение же отечественной словесности понимается им как овладение практическими навыками грамотно изъясняться на родном языке. Исходя из этого авторы XVIII в. не могут быть признаны «образцовыми» (поскольку язык, которым написаны их произведения, устарел) — а следовательно, и относиться к «лучшим».

Издание «Избранных мест из русских сочинений и переводов в прозе», по мнению самого автора, было вполне успешным литературно-педагогическим опытом, о чем он писал спустя семь лет в предисловии к «Учебной книге российской словесности» (1819–1822): «В 1812 году издал я, по поручению тогдашнего моего начальства, книгу под названием: *Избранные места из Русских сочинений и переводов в прозе*⁸. При всей ограниченности плана сей книги, и при многих недостатках в исполнении, имела она весьма хороший успех: введена была во многие Училища, и года в два разошлась совершенно» [Греч 1819–1822, Т. I: I].

⁷ Имеется в виду повесть «Ибрагим или великодушие» (1807).

⁸ Здесь и далее курсив автора.

Новый учебник Греча был совсем не похож на первый: это уже не просто сборник фрагментов произведений русских писателей, расположенных в соответствии со структурой теоретико-литературного курса, а монументальный труд в 4-х частях, включающий в себя не только художественные произведения, но и, как сам Греч их называет, «правила» по теории языка и литературы. Структура и содержание учебника стали еще более похожи на существующие грамматики и риторики. «Учебная книга» при этом отличалась большим количеством примеров и упрощенным, как бы «школьным», переложением фактов и существующих взглядов на теорию словесности. Спустя почти двадцать лет после ее выхода, в 1838 г. В. Г. Белинский писал:

Г-н Греч издал «Учебную книгу русской словесности», в которой в первый раз была оставлена школьная риторическая теория и сделана попытка — дать понятие о всех родах сочинений так, чтобы юношество могло судить о литературе не по школьному образу мыслей, а по тому, который господствует в обществе, и дать правила, руководствуясь которыми юношество могло бы выучиться написать и письмо, и деловую бумагу, и записку, словом, все, что требуется в жизни, а не хрии, порядковые и автониановские, которые пишутся в классах на заданные темы, а в жизни и литературе ни к чему не служат, а только делают из людей тяжелых педантов. Конечно, понятия, изложенные в этой учебной книге, не все новы, не все сообразны с современным взглядом на искусство и литературу, не отличаются наукообразным изложением и строгостию системы; но книга заслуживает внимания уже по одному тому, что не похожа на все бывшие и до нее и после нее опыты в этом роде. Автор его сделал свое дело и в праве сказать своим порицателям: «Сделайте лучше». Приложенная при книге хрестоматия, составляющая самую значительную ее часть, если не отличается строгостию в выборе пьес, зато знакомит почти со всеми писателями, игравшими сколько-нибудь значительную роль в нашей литературе [Белинский 1838: 534–535].

Замечание критика о том, что хрестоматия «не отличается строгостию в выборе пьес, зато знакомит почти со всеми писателями», свидетельствует о том, что в конце 1810-х гг., когда Греч составлял свою книгу, еще не существовало определенных критериев отбора произведений в курс школьного преподавания, но уже к концу 1830-х гг., то есть к моменту написания очерка Белинским, такое представление начинает формироваться.

Со времени появления книг Греча (ставших, по сути, первыми опытами составления учебных книг из отечественных литературных «образцов») до середины XIX в. вышло всего около двух десятков хрестоматий по русской словесности. Большая часть из них была напечатана в типографиях Санкт-Петербурга и Москвы, однако география изданий не ограничива-

лась двумя столичными городами. Пионерами издания хрестоматий стали западные учебные округа: Варшавский, Виленский (он же Белорусский с 1832 по 1850 гг.), Дерптский. Потребность издания хрестоматий по российской словесности именно в западных учебных округах была вызвана тем, что политика имперского правительства была направлена на более интенсивную интеграцию этих земель: издание книг для обучения русскому языку и литературе именно в этих губерниях было одной из мер по продвижению государственного языка и русской культуры. Стоит также учесть, что в этих губерниях учебное книгоиздание было в целом более развито, чем в остальных частях Империи, включая и столицы. В частности, в первой четверти XIX в. в Варшаве, Риге, Ревеле, Митаве уже был издан целый ряд учебных хрестоматий на польском и немецком языках⁹.

О конкретных обстоятельствах издания большинства хрестоматий первой половины XIX в., как и об их рецепции, пока известно немного. Кроме общего для всех печатных изданий цензурного разрешения, на издание учебной литературы не требовалось получения никаких специальных отзывов. Отсутствуют и журнальные рецензии: традиция педагогической критики как таковая в это время еще не сформировалась (после 1860-х гг. такая ситуация была бы невозможна: на каждую новую учебную книгу немедленно выходило несколько печатных отзывов). Цитируемая выше рецензия Никольского на книгу Греча носит, скорее, исключительный характер: критик, как и составитель, был активным участником «Вольного общества любителей словесности, наук и искусств». Выход хрестоматии «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе» стал предметом обсуждения на литературных собраниях в августе 1812 г., после чего отдельные замечания были опубликованы в журнале «Санктпетербургский вестник», издаваемом обществом¹⁰. По сути, эта была оценка труда Н. И. Греча коллегами-единомышленниками по литературному цеху.

Фактическая информация о той или иной хрестоматии ограничивается отдельными сведениями, указанными в самом издании, т. е. кем и когда была составлена и где напечатана книга, а общие разъяснения о задачах издания и принципах выбора авторов и произведений можно найти в предисловиях (там, где таковые имеются). Приведем несколько фрагментов:

Н. И. Греч, «Учебная книга российской словесности» (1819–1822):

⁹ Russisches Lesebuch oder Auswahl auserlesener prosaischer und poetischer Aufsätze aus den besten Russischen Schriftstellern. Riga, 1805; Elementarbuch der Russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-, Ehst-, Kur- und Finland. Mitau, 1805 и др.

¹⁰ ОРКНБ СПбГУ. Архив ВОЛСНХ. Д. 96.

В сих избранных местах отнюдь не должно искать всех образцовых русских произведений: это не Пантеон литературы, в котором представлены все классические произведения словесности: в них приведены только примеры для пояснения изложенных выше правил, примеры, заключающие в себе в тоже время полезные истины, нравственные уроки, воспоминания исторические и др. подобные предметы... [Греч 1819–1822, Т. I: II].

В. А. Эртель, «Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей» (1833):

Цель всякой, так называемой Хрестоматии, следственно и моей, может быть только двоякая: 1) Служить книгою для чтения разнообразного и отборного; 2) Доставить средство иметь пред собою в литературных занятиях приличные примеры для всякого рода слога. Касательно первого употребления, старался я поместить лишь такие статьи, которые могли быть читаемы людьми всякого возраста и пола, без дурных последствий для воображения, или для развития рассудка. В рассуждении второго пункта, я надеюсь, что учащиеся найдут в сей книге примеры приятные и полезные для всех родов письменного изложения [Эртель: I–II].

И. И. Пенинский, «Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стиха» (1833–1834):

Изданием сей хрестоматии предполагается доставить воспитывающемуся юношеству книгу, заключающую в себе лучшие произведения российских писателей прозаические и стихотворные — книгу, которая бы представляла учащемуся полную картину отечественной литературы... <... > Нет нужды говорить, что при выборе статей для сей книги, обращено было особенное внимание на литературное и нравственное их достоинство [Пенинский: VII–VIII].

В. В. Рклицкий «Русская хрестоматия, или Избранные места из лучших русских писателей, систематически расположенные и заключающие примеры на все роды сочинений в прозе и стихах» (1838):

При составлении это хрестоматии особенное внимание обращено на то, чтобы она была не только полным собранием лучших по литературному достоинству образцов на все роды прозаических и стихотворных сочинений, заимствованных из известнейших как прежде, так и новейших русских писателей; но и заключала бы в себе только такие статьи, которые направлены собственно к умственной и нравственной цели [Рклицкий: I].

По сути, все составители пишут об одном и том же — с той разницей, что Греч, отчасти повторяя свои суждения из предисловия к «Избранным местам из русских сочинений и переводов в прозе», говорит о включении в хрестоматию «образцовых произведений русских писателей», но про-

должает настаивать, что его книга «не Пантеон литературы, в котором представлены все классические произведения словесности». Для более поздних составителей эта оговорка уже не требуется. С одной стороны, при составлении хрестоматий утверждается идея ценности «образцовых» произведений, которые могут служить хорошими иллюстрациями того или иного жанра и рода словесности. С другой стороны, получает распространение представление о том, что хрестоматия — в то время фактически определявшая программу преподавания предмета — должна включать в себя не просто достойные произведения для практического изучения языка и словесности, а «лучшие образцы» из «лучших отечественных писателей», то есть отчасти все-таки служить, пусть и не полным, «Пантеоном литературы».

Значительно более подробное объяснение принципов составления хрестоматии, а также некоторые методические рекомендации для учителей при работе с ее статьями впервые встречаются в предисловии к «Полной русской хрестоматии» А. Д. Галахова (1843). Понятие «хрестоматия», как и сам этот вид учебного пособия, в начале 1840-х гг. еще продолжало восприниматься как явление достаточно новое в отечественной практике преподавания языка и словесности, поэтому Галахов в первом издании своей учебной книги считает не лишним пояснить свое представление о хрестоматиях, их назначении и принципах составления. Отталкиваясь от древнегреческой этимологии слова (*chrestomátheia* от *chrestós* — полезный и *manthano* — учусь), он пишет, что «в последствии времени, утратилось первоначальное значение этого слова: им стали называть собрание прозаических и стихотворных сочинений, помещенных вполне или отрывками». В современном педагогическом контексте хрестоматия, по Галахову, может иметь две цели: «или представить практическое руководство к постепенному изучению языка, или представить примеры различных словесных произведений, что называется практическим курсом литературы». Свое учебное руководство он предназначает для второй цели — «практического» изучения словесности, предметом которого, по его мнению, являются «изящные образцы красноречия и языка». При этом Галахов настаивает на том, что «изящные произведения словесных искусств, вполне или по частям взятые, должны быть богаты по содержанию, прекрасны по выражению. <...> *Обязанность Хрестоматии — представить образцы языка.* Хороший язык есть существенный признак всех статей ее, необходимое условие для помещения целого сочинения или отрывка, *conditio sine qua non*» [Галахов: II].

На собственный вопрос: «Каким же языком должны быть написаны образцы красноречия и поэзии, помещенные в Хрестоматию?» — Галахов однозначно отвечает: «языком настоящего времени, который слышим в устах образованных людей, которым пишут наши образцовые писатели. <...> учить образцы языка прошлого, устарелого, не только бесполезно, даже вредно: и Хрестоматия должна их отбросить. Последние составляют уже предмет Истории литературы: их надобно не учить, а изучать» [Галахов: IV–V]. Следуя этому принципу в выборе произведений, Галахов старается освободиться от текстов, написанных в XVIII и самом начале XIX вв., публикуя в тех разделах, где это возможно, преимущественно произведения современных авторов. Не случайно ему впоследствии ставили в заслугу тот факт, что именно «Полная русская хрестоматия» «впервые вводила в школьный обиход имена таких «новых» писателей, как Гоголь, Лермонтов, Тургенев¹¹» [Венгеров: 890].

Галахов оговаривает три исключительных случая отступления от принципа современности текстов, когда в хрестоматию допустимо включать произведения, содержащие элементы языковой архаики:

1) в примерах духовного красноречия: проповедь, которой тема и доводы заимствуются из текстов, не только не может обходиться без славянских речений и оборотов, но и украшается ими; 2) в сочинениях, которые, по содержанию и характеру своему, требуют нередко прежних слов, прежних оборотов речи, на пр<имер> в песнях и сказках, написанных по образцу старинных сказок и песен. Наконец третья, полузаконное, исключение касается немногих од Ломоносова и Державина, как таких писателей, которых имена встречаются в каждом учебнике Русской Словесности, и которых большинство читающей публики до сих пор еще ставит на ряду с современными литературными знаменитостями, по мыслям и слогу. Это, так сказать, снисхождение укоренившемуся мнению [Галахов: VI].

Таким образом, Галахов ссылается на существование некоего уже сложившегося литературного пантеона, на который ориентированы учебные издания и с которым поэтому приходится считаться, причем речь идет скорее не о конкретных произведениях, а о писателях, чье отсутствие в хрестоматии выглядело бы слишком вызывающе. В результате в порядке «снисхождения укоренившемуся мнению» составитель включил в первое издание своей хрестоматии из литературы XVIII в. не только оды Ломоносова и Державина, но также фрагменты из «Дмитрия Самозванца» А. П. Сумарокова

---

¹¹ Произведения Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова были включены А. Д. Галаховым уже в первое его издание хрестоматии, Тургенева — начиная с 9-го переиздания в 1861 году.

и «К монументу Петра Великого» В. Г. Рубана. Однако в нее не вошли произведения Феофана Прокоповича, В. В. Капниста, Я. Б. Княжнина, М. М. Хераскова, В. К. Тредиаковского и др., чьи сочинения были в большинстве существующих к этому времени хрестоматий и учебников по словесности.

Аналогичный пассаж о вынужденном подчинении традиции вопреки собственным установкам Галахов использует еще раз, говоря о структуре книги.

... Все изданные у нас хрестоматии, — пишет он в предисловии, — служат пособиями теоретическим курсам словесности, объясняющим роды литературных произведений, приняли в основание распределения — роды сочинений; другой распределение показалось бы для многих нововведением неуместным, не приноровленным к курсам словесности, нарушающим укорененный обычай, и я, несогласный с хрестоматиями в выборе основания, принужден однако ж покориться... [Галахов: VII].

Таким образом, как бы нехотя следуя сложившемуся принципу построения литературной хрестоматии, Галахов декларирует неадекватность этого принципа ее основной функции, которая понимается им не как иллюстративная по отношению к теоретико-литературным «правилам», а как «практическое» обучение литературе на образцах, «богатых по содержанию, прекрасных по выражению». Соответственно, и сам принцип расположения текстов в хрестоматии оказывается чем-то произвольным и второстепенным по отношению к их подбору.

Итак, составители первых хрестоматий по словесности, при некоторых расхождениях в приоритетах (и при том, что фактически их хрестоматии очень заметно расходятся между собой по составу авторов и текстов — см. ниже), мотивировали свой выбор произведений одним и тем же набором факторов: во-первых, задачей представить репрезентативные образцы всех литературных родов, жанров и форм, с которыми знакомила учеников книга; во-вторых, необходимостью представить лучшие в художественном отношении произведения; в-третьих — предпочтительностью для учебного пособия текстов, написанных современным литературным языком.

Единодушное настойчивое акцентирование предпочтения современного языка для хрестоматийных текстов было вызвано тем, что в первой трети XIX в. шел интенсивный процесс обновления русского литературного языка, который был предметом постоянного обсуждения и полемик в обществе. Произведения, написанные в 1790–1810-е и даже 1820-е гг., спустя десятилетие или два нередко воспринимались современниками как литературная архаика. Изучение словесности носило утилитарный характер: уча-

щийся, знакомясь с образцами, не только должен был получить представление о разнообразии видов и жанров, но и освоить умение самому сочинить подобный текст — например, написать приветственную, похвальную или надгробную речь. А. Д. Галахов писал:

Смешно ставить в примеры трагедий — трагедии Княжнина, в которых действующие лица, русские по именам, отчествам и фамилиям, изъясняются на славянском языке, а примеры ораторской речи — похвальные слова Ломоносова, где конструкция речи не русская, а латино-греческая или, пожалуй, греко-латинская. Что за выгода учиться писать на русском языке — не по-русски? [Галахов: IV].

Таким образом, среди произведений, включаемых в хрестоматии, довольно много принадлежало перу современных авторов. Одновременно с этим далеко не все тексты даже авторов-современников, попадавшие в хрестоматию, были написаны современным языком. Фактически этот критерий не был абсолютным. К примеру, В. А. Золотов в «Русской стихотворной хрестоматии», вышедшей в 1829 г., печатает произведения князя П. И. Шаликова, а И. С. Пенинский в 1833–1834 гг. вводит в школьное чтение тексты Н. М. Шатрова и С. А. Ширинского-Шихматова, хотя расцвет творчества всех этих писателей пришелся на более ранние годы, и к тому времени их едва ли можно было преподносить в качестве образцов современного слога¹².

Хотя никто из составителей не говорит об этом прямо, весьма значимым фактором при составлении корпуса текстов был, разумеется, и фактор авторства. Создатели хрестоматий придавали значение не только тому, *какие* (по жанрово-стилистической принадлежности и поэтическим достоинствам), но и тому, *чьи* творения должны иллюстрировать те или иные жанры или роды — особенно (хотя не исключительно) в тех случаях, когда речь шла о сочинениях писателей-современников.

Как известно, в 1820-е – 1840-е годы российская литературная среда была занята рефлексией относительно путей развития отечественной словесности, оценкой ее потенциала, конструированием иерархии писателей и т. п.¹³ Вводя в свою хрестоматию одни имена и тексты и оставляя за ее пределами другие, составитель сам фактически включался в этот процесс.

---

¹² Как пишут М. Г. Альшгуллер и Ю. М. Лотман, «к тридцатым годам XIX века сочинения Шатрова, обладавшего несомненным поэтическим даром, уже безнадежно устарели. <...> На Шатрова смотрели как на живой памятник давно минувшей эпохи» [Альшгуллер, Лотман: 579].

¹³ О том, как складывается представление о «русской классике» в современном нам значении этого слова подробнее см.: Вдовин А. В. Понятие «русские классики» в критике 1830–1850-х гг. [Вдовин: 40–56].

Чтобы произведение имело шанс быть включенным в хрестоматию, его автор должен был занимать достойное место в литературном мире — разумеется, с точки зрения данного составителя. С другой стороны, помещение в хрестоматию текстов того или иного автора, в свою очередь, повышало его статус, поскольку он тем самым оказывался причислен к «лучшим писателям», а его произведение попадало в разряд «лучших образцов». В этом отношении весьма показателен случай использования места в хрестоматии как ресурса отношений с властью: И. С. Пенинский не только посвятил свою хрестоматию министру народного просвещения С. С. Уварову, но и «украсил ее сочинениями Вашего Превосходительства, которые приобрели Вам славу лучших наших писателей» [Пенинский: I]: в разделе «Речи академические» из 8 образцов 4 принадлежат Уварову.

Следует учитывать, что многие из составителей первых хрестоматий по словесности сами являлись участниками литературного процесса. Большинство из них входили в те или иные литературно-общественные объединения, участвовали в изданиях журналов, сами были писателями. Так, Н. И. Греч, как известно, был членом «Вольного общества любителей словесности, наук и искусств»; В. А. Золотов состоял в «Московском обществе любителей словесности»; и Н. И. Греч, и В. А. Эртель были также известны в качестве авторов художественной прозы¹⁴; А. Д. Галахов долгое время был сотрудником журнала «Отечественные записки».

Принадлежность составителя хрестоматии к тому или иному литературному кругу и/или кружку отражалось на предпочтениях в выборе авторов для составляемых ими хрестоматий. Показателен в этом отношении завершающий пассаж в упомянутой выше рецензии Никольского на первую книгу Греча, в котором рецензент, пеняя своему единомышленнику и товарищу по «Вольному обществу» за пристрастие к формальным биографическим сведениям о писателях в ущерб указанию их литературных заслуг, одновременно не упускает случая в дидактическом ключе категорично высказаться о творениях литераторов «своего» и «враждебного» лагеря:

... лучше бы г. Греч говорил мнение свое о их слоге, дабы молодой человек, читая книгу его, знал кому подражать и кого остерегаться. Какое ученику дело до чинов Карамзина и Жуковского? Ему нужно знать только то, что они лучшие наши писатели, и что, подражая им, он сам может со временем писать хорошо; а подражая толпе безграмотных славянофилов, будет также смешон как и.... Но зачем договаривать?» [Никольский: 72].

¹⁴ См., например: Греч Н. И. «Черная женщина» (СПб., 1834), Эртель В. А. «Гаральд и Елисавета, или Век Иоанна Грозного» (СПб., 1831) и др.

Другим примером столкновения литературных предпочтений в связи с хрестоматиями служит известная полемика, развернувшаяся на страницах журналов «Москвитянин» и «Отечественные записки» после выхода рецензии С. П. Шевырева на хрестоматию А. Д. Галахова, которая вылилась в публичную перебранку ее участников [Шевырев; Белинский 1843].

Фактически при составлении ранних хрестоматий работали обе схемы: в одних случаях подходящий текст «приводил за собой» автора, в других — желание составителя видеть в своей хрестоматии имя того или иного писателя заставляло целенаправленно выбирать из его творений произведения или фрагменты, способные служить образцом того или иного литературного рода, жанра или формы.

Чтобы представить, хотя бы в общих чертах, состав содержания хрестоматий по словесности первой половины XIX в., диапазон варьирования авторов и произведений мы проанализировали содержание 8 изданий, на наш взгляд, получившую наибольшую известность. Этот список составили «Учебная книга российской словесности» Н. И. Греча (Санкт-Петербург, 1819–1822), «Русская стихотворная хрестоматия» В. А. Золотова (Москва, 1829), «Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей, расположенная по систематическому порядку» В. А. Эртеля (Санкт-Петербург, 1833), «Российская Хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах» И. С. Пенинского (Санкт-Петербург, 1833–1834), «Русская Хрестоматия, или избранные места из лучших Русских писателей, систематически расположенная и заключающая примеры на все роды сочинений в прозе и стихах» В. В. Рклицкого (Варшава, 1837); «Русская хрестоматия» И. Я. Павловского (Митава, 1842), «Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» А. Д. Галахова (Москва, 1843), «Русская хрестоматия, или избранные места из русских прозаиков и стихотворцев с немецкими объяснениям слов и терминов» Ф. Н. Святного (Ревель, 1846–1851).

В перечисленные выше хрестоматии, даже по приблизительным подсчетам, вошли произведения в общей сложности более чем 200 авторов. Если учесть, что в самой маленькой из них («Новая русская хрестоматия» В. А. Эртеля) встречается около 30 имен, а в самой большой («Учебная книга российской словесности» Н. И. Греча) — около 120, то получается, что суммарное количество авторов в 3 раза больше, чем среднее количество представленных в одной хрестоматии. Неизвестно, насколько при составлении своих хрестоматий ее создатели были осведомлены об издании

подобных отечественных пособий. В предисловиях или комментариях прямых указаний на это нет, поэтому сложно сказать, ориентировались ли составители на содержание хрестоматий своих предшественников и была ли у них такая возможность. Можно лишь предположить, что столичные авторы не могли не знать о трудах друг друга, учитывая в целом острую потребность в учебных книгах при их немногочисленном издании в это время. Такое многообразие писателей в хрестоматиях свидетельствует о том, что никакой заметной преемственности или традиции в использовании материала, даже на уровне набора публикуемых авторов, в это время еще не складывается.

Тем не менее, нельзя сказать, что общее поле, из которого составители выбирали произведения, не было структурировано, — в содержании хрестоматий можно найти имена, к которым обращаются чаще других. Так например, во всех восьми книгах присутствуют произведения следующих 12-ти авторов: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, А. С. Пушкин. В 7 изданий из 8 включены произведения еще 5-ти авторов: Е. А. Баратынский, А. Ф. Воейков, Н. И. Гнедич (отрывки из его перевода «Илиады»), И. И. Хемницер, Н. М. Языков. Показательно, кстати, что из этих 17-ти писателей — так сказать, лидеров хрестоматийной популярности — только троих (Ломоносов, Державин, Дмитриев) можно отнести к авторам «старшего поколения» русской словесности, чье творчество получило признание еще в конце XVIII в. В такой избирательности проявлялось не только стремление составителей дать образцы самого современного слога, — им, подобно издателям литературных журналов (а некоторые таковыми и являлись), хотелось включить в свои учебные книги те произведения и тех авторов, которые находились на гребне популярности, так что содержание ранних хрестоматий значительно больше зависело от актуальной литературной моды, чем от педагогической традиции или хрестоматийного канона, который в это время едва начинает складываться.

Что касается конкретных произведений, каковые, собственно, и являются основной единицей содержания хрестоматий и возможными объектами хрестоматизации, то здесь картина единичности / повторяемости оказывается совсем иной. С одной стороны, нет ни одного текста, который вошел бы во все 8 рассматриваемых изданий или даже в 7 или 6 из них. С другой стороны, стоит перечислить произведения или фрагменты из них, встречающиеся как минимум в половине хрестоматий. Это: речь «Императрице Екатерине II на прибытие Ея в Мстиславль» архиепископа Геор-

гия Конисского, «Слово в Великий Пяток» святителя Филарета, «Слово на погребение Бецкого» архиепископа Анастасия, «Финляндия» Е. А. Баратынского, «Картина Финляндии» (отрывок из «Писем русского офицера») и «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова, «К портрету императора Александра I» и «К перу моему» П. А. Вяземского, фрагменты из «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича, «Русская песня» А. А. Дельвига, «Властиителям и судьям» и «На рождение в Севере Порфирородного отрока» Г. Р. Державина, «Орел и змея» и «Чужой толк» И. И. Дмитриева, «Боже, царя храни», «Граф Гапсбургский», отрывки из «Войны мышей и лягушек», «Лесной царь», «Овсяный кисель», «Сельское кладбище» и отрывки из «Ундины» В. А. Жуковского, фрагменты из «Писем русского путешественника» и «Истории Государства Российского», «Письмо Александру I» Н. М. Карамзина, «Квартет», «Лжец», «Любопытный», «Осел и соловей», «Слон на воеводстве» и «Тришкин кафтан» И. А. Крылова, «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве» М. В. Ломоносова, «Велизарий» А. Ф. Мерзлякова, «К портрету Жуковского», «Кавказ», «Клеветникам России», отрывки из «Кавказского пленника» и «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина, «Кабуд путешественник» В. Л. Пушкина, «Богач и бедняк» и «Метафизик» И. И. Хемницера и некоторые другие. Фактически содержание хрестоматий лишь минимально воспроизводило друг друга, большая их часть в первой половине XIX в. демонстрировала многообразие имен и текстов.

Многие тексты (фрагменты) Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова и некоторых других писателей, публиковавшиеся в рассматриваемых нами книгах, впоследствии закрепились в качестве хрестоматийных. Однако большая часть произведений, встречающиеся в тех или иных хрестоматиях 20-х – 40-х гг. XIX в., во второй половине столетия уже не перепечатывалась, а имена их авторов (таких, например, как С. С. Бобров, Андр. И. Тургенев, Д. И. Хвостов, П. И. Шаликов, А. С. Шишков, С. А. Ширинский-Шихматов, В. Л. Пушкин и др., а также авторов многочисленных речей, похвальных слов, проповедей) навсегда выпали из поля хрестоматийного знания и были известны лишь литераторам и специалистам. Формирование достаточно устойчивого «ядерного» набора авторов и произведений, который, постепенно дополняясь, переходил из хрестоматии в хрестоматию, по-настоящему совершается лишь во второй половине XIX в. Это следует связать и с постепенным формированием общего представления о классиках и корифеях и их программных текстах, и с появлением учебных программ, содержащих одобренные рекомендательные списки произведений (отчасти сформированные на основе ранних хрестоматий), и с рефор-

мой школьной системы, в результате которой издание учебной и педагогической литературы приняло совсем другой размах, и при подборе текстов составители новых хрестоматий стали в большей степени, чем ранее, ориентироваться на уже существующие¹⁵.

Роль ранних хрестоматий в процессе формирования русского школьного канона состояла прежде всего в том, что с их появлением, собственно, возникает новая, *школьная* сфера функционирования художественных произведений. Сами хрестоматии, принципы их составления и использования становятся предметом обсуждения и полемики, своего рода плацдармом для реализации различных педагогических, этических, эстетических концепций. На страницах предисловий к хрестоматиям и рецензий на них складываются принципы оценки и отбора литературных текстов в качестве примеров для обучения словесности (и вырабатывается характерная риторика). Все это способствовало формированию нового модуса восприятия художественной литературы — как учебного материала.

Несмотря на то, что в издания второй половины XIX в. попало сравнительно небольшое количество произведений (или фрагментов) и авторов, вошедших в ранние хрестоматии, сама идея «назначения» определенных произведений образцовыми (то есть наиболее пригодными для употребления в качестве учебных текстов) фактически была подготовлена хрестоматийными изданиями первой половины столетия. Неслучайно именно А. Д. Галахов, составитель одной из самых больших и авторитетных хрестоматий по словесности, перерабатывавший ее состав и структуру от переиздания к переизданию, стал разработчиком первой в российской образовательной практике учебной программы по словесности, которая включала в себя не только имена, рекомендованных авторов, но и содержала указания на конкретные тексты или фрагменты из них (см.: [Буслаев, Галахов]).

ЛИТЕРАТУРА

Альтшуллер, Лотман: Н. М. Шатров: Биографическая справка // Поэты 1790–1810-х гг. / Вступит. заметки, биограф. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971.

Белинский 1838: *Белинский В. Г.* Сочинения Николая Греча. Санкт-Петербург, 1838 // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. II: Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838. М., 1953. С. 530–541.

---

¹⁵ Министерская программа определяла в качестве строго рекомендованного лишь небольшой набор произведений каждого автора, а помимо них составители хрестоматий включали в свои книги достаточно большой массив текстов, состав которых тоже оказывался достаточно устойчивым.

Белинский 1843: *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки. Несколько слов «Москвитяину» // Отечественные записки. 1843. Т. XXIX. № 8. Отд. VIII: «Смесь». С. 98–104.

Беньковская: *Беньковская Т. Е.* «Классическое» и «реальное» направления в методике преподавания литературы XVIII–XIX веков // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 12. С. 262–274.

Богданова: *Богданова О. Ю., Леонова С. А., Чертов В. Ф.* Методика преподавания литературы: Учебник для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям. М., 1999. — http://www.infoliolib.info/philol/bogdanova/2_1.html

Буслаев, Галахов: *Буслаев Ф., Галахов А. Д.* Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, / сост. А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года. СПб., 1852.

Вдовин: *Вдовин А. В.* Понятие «русские классики» в критике 1830-1850-х гг. // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2012. Ч. I.

Венгеров: *Венгеров С. Галахов (Алексей Дмитриевич)* // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. VIIA (14): Выговский – Гальбан. СПб., 1892.

Галахов 1843: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей: В 2 ч. СПб., 1843.

Греч 1812: Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением Известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании / Изд. Н. Гречем. СПб., 1812.

Греч 1819–1822: Учебная книга Российской словесности или избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности / Изд. Н. Гречем. СПб., 1819–1822. Ч. 1–3.

Евгеньева: Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999. Т. IV.

Ефремова: Толковый словарь русского языка / Под ред. Т. Ф. Ефремовой. М., 2000.

Золотов: *Золотов В. А.* Русская стихотворная хрестоматия. М., 1829. Ч. 1–2.

Кузнецов: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

Никольский: *Никольский П. А.* [Рец. на кн.:] Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. Изданы Николаем Гречем, старшим учителем рускаго языка в Главном немецком училище св. Петра, и членом С. П. Бургскаго Общества любителей словесности, наук и художеств... Санктпетербург. В типографии Ф. Дрехслера. 1812 // Санктпетербургский вестник, / Издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств. СПб., 1812. Ч. 1–4. С. 64–72.

Павловский: Русская хрестоматия, / сост. И. Павловским, лектором русского языка при Дерптском университете. Митава, 1842.

Перетц: *Перетц В.* К столетию «истории» русской литературы. (По поводу «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча 1822 г.) // Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук 1923 г. Л., 1924. Т. XXVIII.

Рклицкий: *Рклицкий В. В.* Русская Хрестоматия, или избранные места из лучших Русских писателей, систематически расположенная и заключающая примеры на все роды сочинений в прозе и стихах. Варшава, 1837.

Святой: *Святой Ф. Н.* Русская хрестоматия, или избранные места из русских прозаиков и стихотворцев с немецкими объяснениями слов и предметов. Курс 1–2. Ревель, 1846–1851.

СП по МНП, 1864. Т. I: Высочайше утвержденном уставе учебных заведений, подведомых университетам» от 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 2 т. СПб., 1864. Т. I.

СП по МНП, 1864. Т. II: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: В 2 т. СПб., 1864. Т. II.

Шевцова: *Шевцова А. И.* Методика преподавания литературы: учебно-методический комплекс для студентов филологического факультета. Витебск, 2009. — <http://userdocs.ru/literatura/139365/index.html>

Шевырев: *Шевырев С. П.* Полная русская хрестоматия... Сост. А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5. С. 218–248; № 6. С. 501–533.

Эртель: *Эртель В. А.* Новая русская хрестоматия, содержащая в себе образцовые места из лучших отечественных писателей, расположенная по систематическому порядку. СПб., 1833.